

ИНОБЫТІЕ РУССКОЙ РЕЛИГІОЗНОСТИ

Кризисъ русской Церкви, обозначившійся въ процессѣ революціи и тѣсно связанный съ нею, является, по всей вѣроятности, существеннѣйшимъ фактомъ въ судьбѣ всей русской православной религіозности и послѣдствія его конечно будутъ сказываться еще долго послѣ окончанія революціонной эпохи. Можетъ быть, именно въ послѣдствіяхъ этого кризиса только и раскроется истинный смыслъ и значеніе всего происходящаго нынѣ въ лонѣ православія, ибо роковая обусловленность церковной смуты общимъ революціоннымъ помраченіемъ крайне затемняетъ истинное положеніе вещей и не даетъ возможности отнестись къ процессамъ религіознымъ, внѣ зависимости отъ политическаго положенія Россіи. Однако, и теперь можно установить, что процессы религіознаго возбужденія такъ или иначе захватили все бытіе русскаго народа и какъ-то по новому устанавливаютъ его религіозное сознаніе, сообщаютъ ему существенно новыя формы исповѣдничества, наконецъ переводятъ средоточіе религіозности изъ одного народно-общественнаго плана—въ другой. Можетъ быть нѣкоторыя видятъ въ этомъ процессѣ исполненіе многолѣтнихъ мечтаній и положительно учитываютъ „эмансипацію“ православія. Для тѣхъ же, кто смотритъ на происходящее съ тревогой — надлежитъ прежде всего ясно осознать самый характеръ и смыслъ нынѣшнихъ судебъ русской Церкви и вообще русской религіозности...

Если смотрѣть въ будущее оптимистически и вѣрить въ возстановленіе Россіи, то все таки нужно твердо понимать, что не все возстановимо. Есть формы и стороны русской жизни, которыя революція разрушила навсегда. Прежде всего, по всей вѣроятности, не возстановимъ русскій дореволюціонный бытъ, разумѣя въ данномъ случаѣ не ви́шнія проявленія прошлаго государственно-соціального строя, а образъ и существо стихійно-народной жизни, тотъ укладъ и ритуальъ жизни, въ которыхъ бытовое и религіозное сочетается въ нераздѣлимомъ единствѣ. Между тѣмъ, безъ нарочитой идеализаціи и аффектаціи нужно признать, что русскій народный бытъ — былъ дѣйствительно религіозенъ. Россія жила бытовымъ исповѣдничествомъ своей вѣры; бытъ — являлся формой русской религіозности, „истиннымъ смотрѣніемъ Божиимъ“ и церковь на него опиралась.

Самые прославленные и чтимые русскіе святители и подвижники не были догматическими учителями и духовными законодателями Церкви; они, прежде всего, просіяли въ быту, какъ предѣльное раскрытіе мірского добра, какъ дѣлатели и герои жизни.

Русская религіозная стихія цѣликомъ переводилась, претворялась и воплощалась въ матеріальную образность и форму быта. Въ то же время религіозный интеллектъ пребывалъ въ духовно-тѣлесномъ существѣ Россіи инертнымъ и недифференцированнымъ. И, видимо, Русская Церковь вполнѣ удовлетворялась сакрализацией быта и не искала дѣйственно-историческихъ путей, не домогалась догматическаго самосознанія и творчества.

Бытовое исповѣдничество русскаго народа господствовало за счетъ сознательно-догматическаго.

Принявъ изъ Византіи уже готовую догматическую форму вѣры, Россія, прежде всего, органически претворила ее въ конкретную образность быта, погрузила ее въ плерому эмпирическаго своего бытія, дала ей живую, выразительно-чуткую плоть.

Домостроительство Божіе было воспринято русской стихіей, какъ благословенное бытостроительство, и религиозный геній Россіи въ этомъ отношеніи достигъ великихъ и еще неоцѣненныхъ образовъ и формъ. Слѣдуетъ именно теперь, съ особенной ясностью понимать, что русская православная теократія и цезарепапизмъ были, прежде всего, вершиной мощнаго строительства быта. Въ ихъ созиданіи моментъ идеологической значительно отступалъ передъ эмпирическимъ самовыявленіемъ національно-религознаго творчества быта. Грандіозныхъ утопій средневѣковой теократіи, абстрактныхъ идеологій и схоластическихъ построеній русское религиозно-державное сознание не знало. Вѣра въ Третій Римъ органически выростала на исторической почвѣ объемлющаго бытостроительства, и не была діалектическимъ построеніемъ. Православно-русская догматическая терпимость и широта ярко свидѣтельствуютъ и доказываютъ, что не въ экзотерическомъ императивѣ идей и не въ схоластической интеллектуализаціи заключался основной паѳосъ русскаго исповѣдничества, а въ эзотерической глубинѣ символики быта. Въ таинственномъ и внѣшне незримомъ процессѣ происходило перерождение основополагающаго религиознаго субстрата русскаго генія въ многообразіе бытового культа.

Но вѣрила въ русскій бытъ, какъ въ подлинную религиозную цѣнность, одна лишь Церковь; вѣру, однако, свою сумѣла внушить и преподать не всѣмъ. — Въ средѣ общества и правительства, — одни уличали русскій бытъ въ невѣжество и издѣвались надъ нимъ, другіе дѣлали его оплотомъ дурной реакціи, третьи мечтательно идеализовали. Но поставить русскій бытъ религиозно-эмпирическимъ устоемъ подлиннаго творчества и развитія Россіи — никто не захотѣлъ. Его попросту проглядѣли. Камень, могущій лечь въ основу угла, былъ строителями отвергнутъ. Теперь, спохватившись, заговорили о религиозной культурѣ, о томъ, чтобы секуляризованный бытъ интеллигенціи, ея

идеалы, вѣру, понятія о правѣ и законности, вернуть въ единую плерому религіознаго бытія. Говорятъ объ этомъ, какъ о несбыточномъ и давно-прошедшемъ, упуская изъ памяти, что всего нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, въ сопряженіи русскаго быта и православія наличествовали безусловные элементы столь чаемой нынѣ религіозной культуры.

Прежде всего слѣдуетъ внутренно осознать понятія быта и культуры, ихъ взаимоотношенія и установить возможность насажденія религіозной культуры въ современныхъ историческихъ условіяхъ.

Въ сложномъ процессѣ исторіи можно обнаружить непрестанное внутреннее бореніе между двумя основополагающими его началами: началомъ движущихъ силъ, съ ихъ интенціей на поступательность, и началомъ образно-вещественнаго запечатлѣнія исторической энергіи въ строительствѣ и храненіи культуры. Эти оба начала, внутренне-сопряженные, въ то же время противостоятъ другъ другу. Силы исторической поступательности дѣйствуютъ инициативно и самопроизвольно, имѣя лишь слѣпое притяженіе въ безконечность, и поэтому стремятся преодолѣть инертность историческихъ образовъ и конкретность всѣхъ переходящихъ своихъ этаповъ, періодовъ и эпохъ. Воля къ культурѣ, обратно, творчески косна, интенсивно-пассивна, потенциальна и консервативна и ипостазируетъ текучіе образы исторіи въ непреходящія цѣнности абсолютнаго смысла, ищетъ въ исторической преемственности жизни и быта — символъ вѣчности¹⁾. Давно пора избавиться отъ горделиво-заносчиваго пониманія быта, какъ завѣдомой пошлости, засасывающей рутины, которые слѣ-

¹⁾ Христіанская исторія знаетъ органической синтезъ этихъ двухъ началъ въ цѣлостномъ религіозно-эмпирическомъ самовыявленіи нѣкоторыхъ своихъ эпохъ (культура Византіи, образъ ранняго средневѣковья, византійскаго возрожденія, нѣкоторыя формы итальянскаго возрожденія). Однако, средневѣковая слитность историко-культурнаго бытія европейскаго Запада быстро разлагается, при чемъ историческая устремленность поглощаетъ волю къ культурѣ. Россія до послѣдняго времени еще удерживала въ своемъ

дуетъ преодолевать во имя свободной, „творческой“ импровизации жизни. Нужно понять, что всякій истовый образъ, поскольку онъ дѣйствительно выявляется, имѣетъ форму и систему жизни и отстаиваетъ ихъ — является безусловно-творческой, духовно-эмпирической категоріей и долженъ считаться основаніемъ строительства культуры. Эсотерическій бытовой кругъ жизни, бытовая повторяемость, системность, традиционность и цикличность —воздвигаютъ форму и устанавливаютъ ритмъ всей внѣшней культуры. Человѣкъ, лишенный бытового воображенія, бытового творчества, не могущій избрать и установить для себя самостоятельныя формы, стиль и систему жизненной выразительности — безсиленъ и въ строительствѣ религиозномъ, государственно-общественномъ и художественномъ¹⁾. Гдѣ нѣтъ быта — нѣтъ и культуры. Въ правильной оцѣнкѣ значенія быта — содержится и вѣрное опредѣленіе культуры. Всякая культура есть духовно-эмпирическое, образно-матеріальное запечатлѣніе исторической воли, созна-

бытіи нѣкоторое равновѣсіе этихъ двухъ началъ и только теперь видимо переходитъ къ преодолѣнію культурной воли и самоотданію исторической поступательности. Мусульманскій и буддистскій Востокъ, во многихъ своихъ проявленіяхъ, до сихъ поръ живетъ въ синтетическомъ историческомъ бытіи, при которомъ исторія и культура сливаются воедино.

¹⁾ Конечно, въ данномъ случаѣ подразумѣвается личность, какъ основа общественности и государственности, ибо на извѣстныхъ степеняхъ аскетически-духовнаго восхожденія и развитія — всѣ внѣшне-матеріальныя и національныя формы жизни, д. б. преодолеваемы какъ соблазнъ, отягощающій жизнь духовную. Впрочемъ, сверхнаціональныя черты православнаго святительства многихъ русскихъ святыхъ (напр. Преп.-Серафима Саровскаго) — неотдѣлимы отъ ихъ русскаго бытового облика.

Обывателемъ, въ презрительномъ смыслѣ слова, можно называть именно того, кто не сумѣлъ или не захотѣлъ укоренить свою жизнь въ бытовой почвѣ и не смогъ создать для себя стабилизирующей и насыщающей образности жизни, того, кто не видитъ и не цѣнитъ все значеніе процесса быта и подлинной его сути (тайну, праведность и чудесность быта гениально раскрылъ Лѣсковъ), считая ихъ пошлостью и рутинной; того, кто не имѣя упора въ конкретно-настоящемъ, болѣзненно и ревниво влечется къ чужому и призрачному. Бродяжническая и беспочвенная русская интеллигенція, не имѣя бытовыхъ корней, потому именно и обличала и профанировала эмпирическую самобытность русской культуры, что состояла изъ обывателей, въ этомъ смыслѣ.

нія и памяти. Въ культурѣ историческая воля стабили-
зуется, удерживается и трансформируется въ образы,
вещество и матеріаль конкретнаго бытія и быта. Куль-
тура, расширяя бытѣ и въ то же время догматизуя
его распорядокъ и образъ, утверждается въ паеосѣ насто-
ящаго, въ противоположность эволюціонной цивили-
заціи, которая всегда въ устремленіи къ будущему. Въ
культурѣ историческая воля уводится съ арены исторической
дѣйственности и обращается, мобилизуется на внутреннее
и образное строительство жизни. Поэтому внутренне-живая
культура должна имѣть достаточно силъ и убѣдительности,
чтобы удовлетворять своими неизбежно установивши-
мися нормами, образами и символами — жизненные за-
просы ея носителей. Съ точки зрѣнія того, кто слѣпо
поклоняется исторической процессуальности и поступатель-
ности (прогрессиста обычнаго типа), бытіе въ культурѣ
учитывается, какъ инертность жизненной воли и инициа-
тивы. Культура, какъ и религіозный бытѣ дѣйственно
реализуется и образно выражается по внутренне-религі-
ознымъ законамъ повторяемости, аналогіи и цикличности ¹⁾.

Этой законѣрностью бытѣ и культура борятся съ
утекающей стихіей времени и съ тлѣномъ матеріи, отмѣ-
чаютъ этапы и звенья человѣческаго бытія, составляютъ
кругъ религіозно-соціальной жизни, имѣющій аналогію съ
кругомъ и послѣдовательностью жизни органической и
біологической. Безъ этихъ законовъ нѣтъ обряда культа,
какъ нѣтъ и обряда культуры, ибо выразитель-
ность и „косность“ культуры обусловлены
трансцендентной категоричностью образа

¹⁾ Есть таинственная законѣрность и предустановленная
формальность во внѣшнихъ проявленіяхъ религіозной сущности, въ
символикѣ религіозныхъ воплощеній, согласно которымъ устанавли-
вается связь между числами, повтореніями — и смысломъ выража-
емаго ими откровенія. По конструктивному принципу повтореній и
аналогіи — строится Евангельское повѣствованіе, литургическое
чинопослѣдованіе и молитвословіе. Этотъ же принципъ даетъ основ-
ную форму и формулы — мистическимъ заговорамъ и заклинаніямъ,
а также различнымъ видамъ религіознаго искусства.

вѣры и незыблемостью установки религиознаго сознанія. Этотъ упоръ въ вѣру и есть духовный стимуль культуры; именно онъ и дѣлаетъ всякую культуру религиозной. (Въ этомъ смыслѣ современный прогрессивно-соціалистическій рядовой романо-германецъ или коммунистическій „совѣтчикъ“ не являются вовсе людьми культуры).

Вотъ почему, коль скоро вѣра замѣняется спекулятивнымъ идеализмомъ, или имманентизмомъ и „пустой“ идеей прогресса, не имѣющей стабилизациі, — специфическій даръ охраненія образности и формы культуры, способность понимать преемственность культурныхъ традицій и умѣніе ихъ продолжать — постепенно начинаютъ разлагаться и подъ конецъ вовсе утрачиваются ¹⁾.

¹⁾ Духовно-идеологическія вѣрованія и эмпирическое существо каждой эпохи, конечно, взаимно обусловлены. Въ частности, внѣшній бытъ, самый процессъ жизни европейской современности и господствующее нынѣ міросозерцаніе — находятся въ глубочайшемъ сопряженіи. Если начать вглядываться въ историческое теченіе нашего времени, то бросается въ глаза несоотвѣтствіе устремленности жизненнаго процесса съ конкретной образностью и выразительностью самихъ событій и фактовъ. Жизнь мучительно ускоряется и въ то же время рѣшительно теряетъ свои очертанія и формы и становится изъ процесса дѣйственно реальнаго, процессомъ ирреально-призрачнымъ. Въ силу напора поступательнаго устремленія — бытъ плавится, развеществляется и гибнетъ. Машинное производство и фабричная выдѣлка, механически преодолевая и преобразуя матеріалы — вовсе лишаютъ трудъ образной конкретности, дѣлая его абстрактно-автоматическимъ. Технические пути сообщенія и средства связи, преодолевая пространство и время, помимо личнаго участія человѣка, функционируютъ съ такой быстротой, что пространственная образность исчезаетъ и время уже не переводится въ преемственно-образную категорію, доступную сознанію. (Интересно также понять и популярность кинематографіи, являющейся искусствомъ имматериальнаго динамизма, зрѣлищемъ безплотныхъ, развещественныхъ тѣней, въ связи съ общей призрачностью всей современной эпохи)... Но, кромѣ того, такіе феномены, какъ современная власть, международное взаимоотношеніе народовъ и государствъ, являясь перемѣнно слагающимися выводами общественно-государственныхъ сопряженій, становленій и дѣйствованій разнородныхъ силъ и причинъ, неподдающихся реальному воспріятію, — также теряютъ свой конкретный образъ внѣшней выразительности. Современное кредитное капиталистическое хозяйство можетъ быть также опредѣлено, какъ абстрактно-практическое оперированіе съ ирраціональными числами и понятіями...

Поскольку христианство, утверждая незыблемый и трансцендентный образ своего откровения, в то же время, таинственно-антиномично, раскрывает передь сознаниемъ чело-вѣческимъ дали времянь и историческіе горизонты, притяги-вающіе къ себѣ и динамизирующіе сознание—встаетъ роковой вопросъ: возможна ли вообще христианская культура?..

Для христианскаго домостроительства — нужна исто-рическая плоть быта, реальное поле исповѣдничества; но религиозное сознание не воспринимаетъ и не считаетъ ихъ достаточной и полной формой религиозной дѣйственно-сти и вѣры и не видитъ въ нихъ предѣльнаго смысла бытія. Когда же религиозное сознание, автономно-діалек-тически обращается къ восполненію недостаточности бытовой вѣры, то фатально вовсе выходитъ изъ рели-гиозной эмпирии и попадаетъ въ сферу метафизической схоластики и мнимаго творчества.

Такова судьба римскаго католицизма. Она являетъ собой угрожающій примѣръ, до какой органической де-формации христианства можетъ дойти теологическая спе-куляция, утративъ связь съ творческой стихіей быта, не имѣя въ немъ живой базы творчества и инспирации. Догматическое творчество и теократическая схоластика католицизма, притязающія на продолженіе традицій вели-кихъ вѣковъ первохристианства, на принудительное осу-ществленіе Божьяго закона на землѣ, охваченныя при томъ замысломъ навязать исторіи свой ирреальный планъ и свои мессіанскія цѣли — меньше всего рождались и продолжаютъ рождаться въ массивѣ быта, въ соборномъ сознании религиозныхъ массъ. Католическій бытъ, раско-ловшійся въ эпоху реформации, отчасти секуляризовался, отчасти же омертвѣлъ и сталъ покорно принимать, въ качествѣ пасомаго стада, — императивныя деклараціи цер-ковнаго интеллекта, бдительно охраняющаго логику и діалектику своего историческаго бытія¹⁾.

¹⁾ Конечно, имѣется и органическій католическій бытъ, но сплошь и рядомъ римская церковь насильственно дедуцируетъ

Христіанство, какъ религія богочеловѣчества, съ исключительнымъ паѳосомъ раскрываетъ свою дуалистическую основу¹⁾ въ ученіи о соборной Церкви, въ которомъ начало творческаго апперцептивнаго богосознанія и плоть вѣры, — творчески-исповѣдующая масса — нераздѣлимы, но въ то же время равнозначно слиты. Именно это ученіе подмѣнивается въ католицизмѣ своего рода метафизическимъ монизмомъ, путемъ сознательной сакрализациі церковно-правлящей инициативы іерархіи, что совершается за счетъ умаленія религиозно-творческихъ правъ бытовой массы, являющейся плотью Христовой Церкви.

Нельзя видѣть въ судьбѣ католицизма лишь рокового или сознательнаго заблужденія одной лишь западной церкви, удѣла, или грѣха одного латинства.

Католицизмъ ушелъ изъ быта, отгородился отъ міра и замкнулся въ псевдо-сакральную монаду своей іерократіи уже давно и подъ вліяніемъ разнородныхъ, внутренне-сложныхъ причинъ, Но если бы этого не случилось, то въ настоящее время, изъ за всей совокупности историческихъ процессовъ современной Европы, западная Церковь была бы вынуждена все равно стать на путь полного разрыва съ дѣйствительностью и жизнью, ибо вслѣдствіе интенсификаціи исторической поступательности, культура западнаго быта разлагается съ необычайной быстротой, теряетъ свою матеріальную плотность, устойчивость и образность, а вмѣстѣ съ этимъ обозначается и полное ослабленіе религиозно-бытового творчества. Эта же опасность встала и стоитъ и передъ русскимъ православіемъ. Исторія, правда, знаетъ примѣръ Византіи, гдѣ религиозное сознаніе и бытъ творчески сопрягались, гдѣ догматическій образъ религиознаго быта изъ всего механизма эмоціально-раціоналистической своей схоластики.

¹⁾ Этотъ терминъ употребляется здѣсь не въ специфическомъ смыслѣ новой философіи, или манихейства, а въ смыслѣ утвержденія полнаго равновѣсія божескаго и человѣческаго, какъ оно дано въ основномъ догматѣ Богочеловѣчества, равно охраняемомъ церковью отъ уклоновъ, какъ въ сторону арианства, такъ и въ сторону монофизитства.

ская діалектика возбужденно и остро оформлялась непосредственно въ жизни, гдѣ интенсивность государственная и религіозно-церковная взаимно другъ друга строили. Но ранняя и средневѣковая Византія, черпавшая свои бытовыя силы въ первично-стихійномъ скрещеніи разнородныхъ культуръ Запада и Азіи, а вдохновеніе духа, черпавшая отъ непосредственной близости къ историческому факту откровенія и раскрывавшая его въ процессѣ усвоенія Христіанства въ діалектическомъ опытѣ греческой философіи — по всей вѣроятности, неповторима.

Современная эпоха и уже обозначившіеся факты русской дѣйствительности наводятъ на тревожную мысль, что русской религіозности можетъ угрожать именно судьба католицизма, которая опредѣлилась, какъ распаденіе Западной церкви на правящую іерархію, утратившую живую сопряженность съ бытомъ и руководящуюся принципомъ имманентной цѣлесообразности, на инертно-пасомыхъ и на рѣшительно отпавшихъ отъ вѣры, исповѣдничества и церковности.

До сихъ поръ Россія жила на периферіи исторической арены Европы. Русскій народный массивъ можно было причислить къ инертнымъ и гетерономнымъ по отношенію къ Европѣ, азійскимъ этническимъ массамъ. Въ ближайшую эпоху намѣчается выходъ Россіи изъ этого положенія; встаетъ, какъ реальная возможность, для болѣе отдаленнаго будущаго — россійско-центрическое международное сложеніе Европы и Азіи. Вмѣстѣ съ этимъ историческая интенсивность всего русскаго бытія уже теперь, на глазахъ современниковъ революціи, становится иной. Къ политической и экономической жизни вызваны новые, доселѣ нетронутые народные пласты. Учащенный темпъ и напряженность жизни сообщаются все дальше вглубь. Въ этомъ приобщеніи глубинъ бытового массива къ внѣшней дѣйственности обще-историческаго процесса и таится роковая опасность для бытовой религіозности Россіи. Русскій бытъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ

съ исключительной быстротой секуляризуется, и уже теперь можно обнаружить зачатокъ, глубокаго по значенію и послѣдствіямъ, процесса, который опредѣлимъ, какъ выходъ православія изъ быта. Религіозность какъ будто выжимается изъ народно-бытовой почвы и переходитъ и укореняется въ иные общественные слои. Самый процессъ разворачивается въ глубинѣ и не поддается массовому осознанію, ибо, по словамъ Симеона Новаго Богослова, ... „благодать отходить сокровенно, какъ сокровенная по естеству и таинственная; потому отходя не даетъ чувствовать отступленія своего, и не сразу узнать объ отступленіи ея“, но нѣкоторые внѣшніе симптомы обличаютъ происходящее въ народной толщѣ. Давнишнее обличительство интеллигенціи наконецъ дало свои плоды. Уродство и трагичность нынѣшняго религіознаго процесса Россіи заключается въ томъ, что народъ — хотя бы въ нѣкоторой своей части — началъ предавать и выдавать на поруганіе свои святыни, началъ со стыдомъ и отвращеніемъ разрушать и профанировать свой бытовой религіозный укладъ именно тогда, когда революція раскрыла глаза сознательной части Россіи и интеллигенція потянулась къ исповѣдничеству, именно къ тому, что еще такъ недавно подрывала. Есть въ нынѣшнемъ русскомъ самопруганіи и въ поруганіи Православія злая страсть ложнаго стыда за свое прошлое, за прошлое открытое пріятіе вѣры, за обрядность прошлой жизни, которые внезапно предстали въ сознаніи народа, какъ постыдное варварство и темное рабство. Конечно, этотъ процессъ не означаетъ гибели русской религіозности и русской православной церкви. Но нельзя безъ остраго вниманія пройти мимо него, не пытаясь осознать его значеніе и слѣдствій. Коренившееся до сихъ поръ, исключительно въ исповѣдничествѣ бытовомъ, русское православіе отнынѣ будетъ въ какой-то части нестись исповѣдничествомъ сознательной интеллигенціи. Инобытіе будущей русской религіозности будетъ заключаться въ томъ, что изъ состоянія

интенсивно-пассивнаго она сразу должна перейти, освободившись отъ громоздкаго быта, къ экстенсивно-идеологической и активной реализаціи своего опыта, накопленнаго въ долгомъ „косномъ“ прбываніи. Можетъ зародиться стремленіе, послѣ долгаго и устойчиваго слѣдованія византійско-греческимъ догмамъ и канонамъ, восполнить ихъ самостоятельно-русскимъ догматическимъ творчествомъ, явится потребность въ осознаніи православно-русской теодицеи, народится, можетъ быть, апологетика новой православной русской теократіи. Словомъ, передъ православной русской религіозностью раскроется столь желанный для нѣкоторой части русскихъ богослововъ, обличавшихъ православіе въ косности и инертности, путь догматической діалектики, теологической схоластики и можетъ быть искусственно - дедуцируемой теократіи. Но путь этотъ раскроется и, быть можетъ, уже раскрылся за счетъ умирающаго религіознаго быта. Это нужно понять со всею отвѣтственностью. Можетъ быть православное творческое вдохновеніе по новому и обратитъ народныя массы, откроетъ имъ новое сознаніе вѣры, но возврата къ цѣлостному бытовому исповѣдничеству все таки не будетъ. Если такая постановка вопроса можетъ показаться слишкомъ категорической, то, хотя бы и не произошло полного сбыванія намѣченной метаморфозы русскаго православія, — именно возлѣ подобныхъ сомнѣній и мыслей вырастаютъ въ настоящее время тревога и опасенія. Имѣя историческій примѣръ католицизма, страшно подумать, что православію могутъ грозить тѣ же роковыя судьбы. Жажда религіозной культуры, стремленіе поставить церковь и вѣру въ основаніе будущей Россіи, мало сопрягаются въ сознаніи нынѣшней интеллигенціи съ угрозой выпаденія современнаго русскаго быта изъ плеромы религіи. Лучше (м. б. и ошибаясь) говорить въ наши дни объ опасностяхъ, и съ полнымъ сознаніемъ попытаться найти дѣйствительное заданіе для воли и творчества, нежели, закрывая глаза

на правду, мечтать и ждать несбыточнаго и тѣмъ самымъ просто снимать дѣйствительно нужную проблему русскаго будущаго, которая встаетъ, какъ непреложное изысканіе новыхъ путей сближенія вспыхнувшей вѣры съ меркнущимъ бытомъ. Пока что, русская дѣйствительность въ этомъ отношеніи вызываетъ одни только опасенія.

Въ двухъ направленіяхъ идетъ религіозное разложеніе Россіи: въ направленіи, усваивающемъ примитивный воинствующій атеизмъ и нигилизмъ и въ направленіи церковно-реформистскомъ. Характерно, что носители и проповѣдники церковной революціонной реформаціи, не являясь по существу атеистами, прикрѣпляются къ совѣтской власти, явно богоборческой и кощунственной, и въ то же время большевики, со своей стороны, идутъ на компромисъ и, какъ никакъ, содѣйствуютъ христіанской православной (пусть канонически отлученной) „живой церкви ¹⁾“. Этотъ фактъ нельзя разсматривать только примитивно, исключительно, какъ угодничество со стороны церковныхъ революціонеровъ передъ властью и какъ большевистскую тактику, направленную на сѣяніе раскола и смуты. Въ этомъ „союзѣ“ есть нѣкая сложная и запутанная причинность. Кромѣ основной цѣли разрушенія идеи о Богѣ, у большевиковъ есть заданіе первѣй и неотложнѣй, и которое легче осуществить. Заключается оно въ томъ, чтобы убить и разрушить образъ Божій въ жизни, уничтожить преемственное религіозно-самобытное строительство быта, стоящее на пути осуществленія интернаціонала. Идею Бога — разрушить трудно, м. б. невозможно; но уничтожить исконное материально-конкретное выраженіе вѣры, убить память и памятники традиціи быта — гораздо легче. Въ эту сторону и обращены усилія совѣтской власти. И

---

¹⁾ Подъ „живой церковью“ подразумѣвается здѣсь и въ послѣдующемъ вся совокупность церковныхъ новообразованій, отколовшихся отъ Патріаршей церкви.

вотъ „живая церковь“ въ этомъ отношеніи стала на сторону гонителей православнаго быта. Объявляя новыя формы церковнаго бытія, уличая прошлый религіозно-церковный укладъ въ буржуазности, называя его „классовымъ“, и видя въ немъ элементы обще-соціальной структуры „старога режима“, самодержавія и пр., церковные революціонеры со всей страстью стремятся вообще выйти изъ быта и пытаются схоластически и отвлеченно построить новыя идеалы русскаго православія. Насколько уродлива вся революціонная дѣйствительность, настолько же ложно-затемненны и идеологическіе манифесты „живой церкви“. Но самый смыслъ и существо этихъ декларацій весьма симптоматичны. Вотъ открывки изъ резолюцій помѣстнаго собора „живой церкви“ по отношенію къ соціальной революціи: капитализмъ объявляется „смертнымъ грѣхомъ“, а борьбу съ нимъ — „священной для христіанина“... „Въ совѣтской власти соборъ видитъ міроваго вождя за братство, равенство и миръ народовъ“. „Соборъ зоветъ каждаго честнаго гражданина Россіи единымъ фронтомъ, подъ водительствомъ совѣтскаго правительства, выйти на борьбу съ мировымъ зломъ соціальной неправды“. И что примѣчательнѣе всего, — „Соборъ обращаетъ вниманіе, что совѣтская власть государственными методами одна во всемъ мірѣ имѣетъ осуществить идеалы Царствія Божія“... „Поэтому каждый вѣрующій церковникъ долженъ быть не только честнымъ гражданиномъ, но и всемірно бороться вмѣстѣ съ совѣтской властью за осуществленіе на землѣ идеаловъ Царствія Божія“... Это ли не новая и въ то-же время старая теократическая схоластика и ирреальный раціоналистичный мессіаниззмъ!

И наряду съ этими чужими, мертвыми и чуждыми для русской церкви прописными деклараціями, соборъ отмѣняетъ всю священно-іерархическую структуру, весь ритуаль религіозно-церковнаго бытія и быта русскаго право-

славія и признаеть возстановленіе патріаршества 1918 г. „актомъ опредѣленно политическимъ“ и „контръ-революціоннымъ“. Этимъ самымъ „живая церковь“ навсегда порываетъ съ бытомъ, съ преемственнымъ строемъ духовно-эмпирическаго бытія церкви и отдается сферѣ лжеспекуляціи, сомнительнаго умозрѣнія и абстрактной утопій. „Живая церковь“ увидѣла въ іерархической традиціи Патріаршества соціальный пережитокъ прошлаго. Однако, отказываясь отъ свободнаго духовно-церковнаго авторитета, отъ прерогативъ независимой церковной власти и „обобществляя“ управленіе церковью — церковная революція въ то же время, внутренне провозглашаетъ принципъ утопическаго теократизма, съ небывалой для русскаго религіознаго сознанія, силой. Но реальнымъ носителемъ власти и воплотителемъ этого принципа, имѣющимъ ключи отъ царства Божія на землѣ, непогрѣшимымъ Папой „живой церкви“ — объявляется совѣтская власть! Въ этомъ фактѣ съ поразительной ясностью раскрывается вся сложная, путанная, противорѣчивая и соблазненная установка сознанія новаго революціоннаго православія: съ одной стороны разрушительный фанатизмъ, стремящійся разложить и уничтожить внѣшній образъ церкви, строй и формы бытового культа и съ другой — псевдорелигіозный, слѣпой и раціоналистическій утопизмъ, начертывающій себѣ ложные идеалы владычества, и готовый силой и насиліемъ осуществлять ихъ. Несмотря на полное сходство этой вѣры и тактики съ идеалами и методами большевизма, все таки въ фактѣ церковной революціи и въ формахъ ея проявленія есть нѣкая самостоятельная характерность и симптоматичность.

Возможно, что на путь интеллектуально-догматическаго эволюціонизма „живая церковь“ была поставлена, безсознательно, конечно, нѣкоторыми реальными обстоятельствами нынѣшней русской дѣйствительности. Правда, революція, придавъ этому движенію всѣ свои органическія черты уродливости и низости, этимъ самымъ крайне за-

трудняется дѣйствительную оцѣнку всего происходящаго въ лонѣ русской церкви. Морально-этической аспектъ дѣятельности „живой церкви“ не позволяетъ разглядѣть и безпристрастно уяснить себѣ — дѣйствительно духовную сущность ея, ибо, несмотря на все, какая то вѣра и хотя бы память о православной церкви у дѣятелей церковной революціи все таки есть. Конечно, не слѣдуетъ преувеличивать значительность самого движенія. „Живая церковь“ не есть движеніе народное, но въ то же время не только революціонно-интеллигентское. Скорѣе было бы правильнымъ оцѣнить современную религіозную смуту Россіи, какъ опороченное революціей выявленіе нѣкоторыхъ попытокъ русскаго религіознаго сознанія, утратившаго духовно-эмпирической образъ вѣры и церкви, найти упоръ въ абстрактной религіозной идеѣ. Это слѣдуетъ понять не для того, чтобы оправдать „живую церковь“, а какъ разъ обратно, чтобы, осознавъ внутренній безсознательный стимуль всего движенія — его-то именно и уличить и опровергнуть, ибо въ немъ кроется больше, чѣмъ моральное малодушіе и предательство; въ немъ заключена возможность ниспроверженія основнаго и самобытнаго устоя православія; устоя вѣры въ синтезѣ духа и быта. Не слѣдуетъ бояться углубленія проблемы „живой церкви“ изъ опасенія, что благодаря нахожденію нѣкоторыхъ внутреннихъ основаній, отчасти, оправдывается моральная сторона всего движенія. Церковная революція и какъ таковая (революція въ церкви неустрашимо грѣховна), и своей связью съ коммунистическимъ правительствомъ — заклемила сама себя и ничего кромѣ суда, осужденія и обличенія не заслуживаетъ. Но сквозь революціонно-преходящій аспектъ нынѣшнихъ церковныхъ процессовъ, обстоятельствъ и событій, проступаютъ черты, могущія впослѣдствіи глубоко запечатлѣться на ликѣ русскаго православія и исказить его.

Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы ставить точный діагнозъ настоящему и будущему; важны симптомы. Правда, въ

послѣднее время передъ ожившимъ авторитетомъ канонической іерархіи, всѣ толки реформистскаго православія рѣшительно теряють свое значеніе. Однако, невозможно предвидѣть какой именно слѣдъ въ будущемъ оставить фактъ проникновенія въ русскую церковь элемента социалистическаго мессіанства, который, пусть въ ограниченныхъ размѣрахъ, всетаки произошелъ. Если же имѣть въ виду, съ одной стороны процессъ секуляризаціи народнаго быта и формированія новой, пока еще загадочной, но скорѣй всего атеистической русской буржуазіи и съ другой стороны, учитывать религіозно-встревоженное сознаніе современной интеллигенціи, стремящейся не столько къ исповѣдничеству, сколько къ лихорадочному и мало обоснованному, часто безопытному оживленію православной догматики и каноники, то уяснится, что въ перспективѣ на будущее, опасность есть.

Обстоятельства таковы: не имѣя достаточной базы въ быту, православію дѣйствительно придется когда нибудь раскинуть страшныя крылья догматическаго гнозиса для того, чтобы въ будущемъ держаться м. б. исключительно на нихъ, безъ адекватнаго претворенія и выраженія религіознаго интеллекта въ образѣ быта. А это всегда влечетъ за собой соблазны утопій, внутренне искажающихъ христіанское откровеніе и переставляющихъ центры устоя и притяженія изъ реальной дѣйствительности въ призрачную безконечность. Этимъ самымъ уничтожается и истовое исповѣдничество, ибо исповѣдывать значитъ вѣдать и видѣть реальную божественность въ каждомъ образѣ и фактѣ жизни.

Христіанству не нужна исторія, какъ процессъ, какъ слѣдованіе времянь, черезъ которое должно преемственно пройти человѣчество, чтобы на путяхъ совершенствованія придти къ послѣднему историческому предѣлу.

Христіанская исторія не созрѣваетъ, не имѣетъ возрастовъ и этаповъ совершенствованія (они являются исключительнымъ достояніемъ христіанской личности); первые вѣка христіанства были самыми мудрыми;

человѣчество, получивъ откровеніе и усвоивъ его духовно-опытно и въ нормахъ философской діалектики — сразу выросло до какихъ-то положенныхъ ему предѣловъ и какъ бы мгновенно созрѣло. Можно сказать, что въ каждый данный срокъ христіанское человѣчество одновременно находится на всѣхъ доступныхъ ему ступеняхъ христіанскаго постиженія и совершенствованія.

Христіанская исторіософія не подводитъ историческій процессъ непосредственно къ эсхатологіи. Согласно Евангелію, эсхатологія начинается не послѣ синтетическаго завершенія всѣхъ возможностей исторіи, а наступаетъ неожиданно. Сроки не указаны; даны лишь катастрофическіе признаки приближенія, свидѣтельствующіе не о благомъ совершенствованіи историческаго процесса, а о какой то трагической дегенераціи его. Подобно тому, какъ воплощеніе не имѣло никакихъ видимыхъ историческихъ приуготовленій и явилось, какъ таинственное исполненіе сроковъ, точно также и предѣлъ историческаго существованія означенъ будетъ не исчерпаніемъ или завершеніемъ всѣхъ данныхъ, заложенныхъ въ исторіи, а встанетъ неожиданно, во второмъ исполненіи времени. Поэтому произволь надуманнаго эсхатологическаго антропоморфизма и всѣ мечты о принудительномъ достиженіи Царства Божія на землѣ, какими бы то ни было человѣческими средствами, которыя всегда сводятся къ фанатической тираніи и насилію, являются соблазнами, посягающими на само внутреннее существо христіанской благодати и свободы ¹⁾).

¹⁾ Въ глубоко-значительномъ сопряженіи находятся слова II-го посланія къ Фессалоникійцамъ о „неправѣдномъ обольщеніи“ о „вѣрѣ въ ложь по дѣйствию заблужденія“, которымъ предается мѣръ, когда придетъ „отступленіе“ и „откроется сынъ погибели“ — съ таинственнымъ раскрытіемъ, что „тайна беззаконія уже въ дѣйствиіи“. Въ послѣднихъ словахъ выражено, что конечное искушеніе челоуѣчества передъ наступленіемъ „Дня Христова“ зрѣть и становится въ нѣкоемъ процессѣ внутри міра. Такъ какъ „беззаконникъ, противящійся и превозносящійся выше всего“ будетъ явно посягать на мѣсто Божіе во Храмѣ и творить чудеса, то онъ, слѣдовательно, будетъ ложно-духовенъ, будетъ лже-духомъ. Поэтому, въ противо-

Опасность подобных соблазновъ, которая уже заложена въ церковномъ коммунизмѣ „живой церкви“ — нужно напряженно и отвѣтственно понять, для того, чтобы духовно-волевымъ дѣйствіемъ ее обличать и разрушать. Иначе вѣра въ красную теократію въ будущемъ обернется и станетъ вѣрой въ бѣлую теократію, а въ этомъ случаѣ внутренніе соблазны католицизма станутъ для православія реальной угрозой.

Въ фактѣ, что для русской церкви католическая опасность, въ глубинномъ существѣ, скрыто содержится въ наши дни въ социалистическихъ соблазнахъ, можно усмотрѣть новое подтвержденіе давно отмѣченной близости между самоволіемъ и иллюзионизмомъ Римской теократіи и социалистическаго мессіанства.

Для того, чтобы еще съ большей силой понять всю опасность, въ которой находится современная русская церковь, слѣдуетъ также не упускать изъ виду тотъ тягостный процессъ утрачиванія церковнаго стиля, помраченія подлинной онтологической образности и выразительности въ религіозномъ культѣ и сознаніи, который нынѣ охватываетъ, какъ среду, даже расположенныхъ къ церкви мірянъ, такъ и значительную часть духовенства. Можно легко прослѣдить, какъ за послѣдніе два вѣка въ русскомъ православіи постепенно тускнѣла религіозно-образная память, притуплялось непосредственное чутье стиля, забывались смыслъ и символичность непреходящихъ формъ религіозной выразительности. (Это одинаково относится, какъ къ области искусства, будь то живо-
положность Христу-Слову, Духу Святу и Сыну Человѣческому, воплотившемуся въ міръ ради его спасенія, — сыну погибели, надлежитъ какъ бы воодуховитъ изъ грѣховной плоти и матеріи въ длительномъ процессѣ ея пневматизации.

Не вдаваясь въ эсхатологическія предчувствія и толкованія, можно однако установить обозначающуюся связь между постепенной потерей образности и вещественнаго самоутвержденія современной культуры и усиленіемъ вѣры во лже-утопіи и новое мессіанство. Въ знаменательномъ сопряженіи находятся: процессъ развеществленія образно-эмпирическаго бытія нашей эпохи и современный паоосъ материалистической метафизики, которая, приписывая матеріи несвойственныя ей функции—сознательно ее дематериализуетъ и какъ-бы пневматизуетъ.

пись, пѣснопѣіе, или зодчество, къ догматической гносеологіи и діалектикѣ, къ религіозному идеологизму и быту). Между тѣмъ, конечно, въ религіозно-каноническомъ творествѣ только опредѣленныя формы и средства выраженія адекватны его сути; нельзя самочинно нарушить догматику внѣшнихъ подходовъ, возможностей и пріемовъ выявленія и закрѣпленія—безъ того, чтобы не нанести существеннаго ущерба и вреда самимъ глубиннымъ основамъ боговидѣнія; и неразборчивое пренебреженіе къ этой догматикѣ безусловно свидѣтельствуетъ о расшатанной установкѣ религіознаго сознанія. Лишь незаблѣмый эсотерическій центръ богосозерцанія можетъ вѣрно строить всю внѣшнюю периферію міросозерцанія и можетъ наводить, какъ прожекторъ, лучи своего видѣнія на все эмпирическое окруженіе, освѣщая его и придавая ему опредѣленныя очертанія и рельефъ.

Каждое сознаніе, утвердившееся въ личномъ боговидѣніи само создаетъ для себя свой религіозный аспектъ міровидѣнія и жизневидѣнія, причемъ аспектъ этотъ всегда оказывается онтологически - объективнымъ. Но преемственная память, наслѣдственная традиція и слѣпое чутье не рѣдко замѣняютъ личный духовный искусь и опытъ, позволяя различать, квалифицировать и понимать эмпирическія явленія жизни и вѣры, помимо духовнаго видѣнія и откровенія. Истовость и вѣрность религіозно-творческаго стиля, большею частью, оберегаются и блюдутся, именно этой памятью и чутьемъ. Утрата чуткости къ религіозной эмпиріи, конечно, сказывается и на распознаваніи духовномъ. Если бы русское духовенство и вѣрующіе міряне, въ цѣломъ, имѣли бы, какъ встарь острый глазъ и вѣрный слухъ къ своему религіозному ритуалу и эмпирическому образу своей вѣры, то, можетъ быть, они скорѣе распознали-бы, какую духовную, религіозную и идеологическую ложь имъ внушаютъ подъ видомъ коммунистическаго утопизма, а также иной разъ подъ видомъ проповѣди объ „оживленіи“ духа и традицій

церкви; тогда были бы немислимы и столь частые въ настоящее время соблазны чужого, чаще всего католическаго ритуала, которые ведутъ, сплошь и рядомъ, къ переходу православныхъ въ католичество. Ибо въ здоровомъ религіозномъ сознаниі духовная сущность вѣры и ея внѣшняя образная выразительность — нерасторжимы и другъ друга взаимно провѣряють и опредѣляютъ...

Какъ будетъ возстанавливаться будущая Россія — предвидѣть трудно. Порой кажется, что это произойдетъ въ процессѣ стихійнаго, державно-національнаго самознания и самоутвержденія. Тутъ соблазны для церкви велики, и православіе должно найти творческія формы духовно-эмпирическаго возрожденія, не впадая въ соблазнъ воинствующаго католицизма. Возможность благого, самобытно-русскаго возрожденія православія въ силѣ и славѣ зависитъ ближайшимъ образомъ отъ того, окончателно ли погибъ, вмѣстѣ съ былымъ бытомъ и русскій даръ стихійнаго претворенія религіознаго — въ конкретно-бытовое, или же этотъ даръ только померкъ въ общемъ помраченіи русскаго духа и въ будущемъ на-ново развернется его творчество. Если новый бытъ, послѣ того какъ уляжется революціонное безуміе, вспомнить прошлое и найдетъ въ себѣ духовныя силы и волю для стройки благодатной преемственности образа жизни, тогда все будущее русской религіозности и православной церкви, конечно, встанетъ въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ. Тогда, дѣйствительно, передъ Россіей должно стать заданіе — строить подлинную религіозную культуру, какъ творческій синтезъ освященнаго быта и сознания вѣры.

Сама исторія ставитъ нынѣ передъ русскимъ православіемъ реальную возможность — утвердить новый центръ экспансіи, стать средоточіемъ историческаго дѣйствованія и религіознаго авторитета, взамѣнъ умирающаго центра западно-католическаго, ибо эмпирическая и идеологическая спиритуализація Западной Европы какъ-бы выпариваетъ христіанство изъ со-

временнаго сознанія и жизненнаго строя, а это, рано или поздно, должно привести къ движенію христіанства на востокъ, гдѣ жизнь сохранила еще эмпирію и образность культуры. Дѣйствительно-активное вовлеченіе внѣ-христіанскаго Востока въ историческія судьбы Россіи и Европы можетъ несомнѣнно опредѣлить его христіанизацію, но для этого русское православіе должно сохранить свой восточный аспектъ бытового исповѣдничества.

Если же этого не будетъ, то придется сказать, что религіозная культура въ Россіи была, такъ какъ можно скорѣе подвести подъ понятіе религіозной культуры — слѣпой, себя не сознающій религіозный бытъ, нежели отъединенно спекулирующій религіозный интеллектъ церковныхъ верховъ, не имѣющій выраженія въ жизненномъ строѣ всего народа.

Неизвѣстно также, какъ ликвидируется и церковная смута. Быть можетъ передъ русской церковью стоитъ испытаніе новаго раскола, при чемъ нынѣ господствующее православіе будетъ отстаивать себя въ священно-обрядности культа и быта, какъ поступили старообрядцы, въ противоположность „живоцерковному“ (живецкому) толку, въ которомъ вѣра станетъ формально-сознательной функціей, не имѣющей обратимости въ реальную образность и символику жизни.

Пока что, пристально наблюдая русскіе процессы и съ тревогой замѣчая нѣкоторыя ихъ черты, слѣдуетъ, уклоняясь отъ всѣхъ искусственно-спекулятивныхъ идеологій, тѣмъ напряженнѣй создавать цѣлительное и цѣлостное міровоззрѣніе, прежде всего органически православно-русское, въ коемъ образъ вѣры отражался бы въ образности жизни; нужно ясно понимать, что въ нашъ вѣкъ, когда дѣятельность эмпирическая и реальная становится во многихъ случаяхъ безобразной и ирреально-призрачной функціей міроваго капиталистическаго и экономическаго строя, — жизнь духовная должна сугубо воплощаться въ конкретныя формы исповѣднич-

ства, должна стать реальнымъ религіознымъ „дѣла-
ніемъ“.

Восточничество, становящееся для Россіи единственно-
плодотворной духовно-эмпирической установкой и будучи
для нея прежде всего установкой на себя, въ области
религіозной — должно явиться побудителемъ къ возвра-
щенію утрачиваемаго теозиса, того вида боговѣдѣнія,
въ которомъ освящается вся эмпирія и всѣ становленія
жизни.

Именно съ этой стороны, по сравненію съ тѣми фор-
мами, какія принимаетъ въ современной дѣйствительности,
европейское христіанство, — теистической и языческой
Востокъ (гдѣ религіи, не имѣя полноты откровенія, деф-
фективно ограничиваются строительствомъ культуры, но
гдѣ, вслѣдствіе этого культура является въ полномъ
смыслѣ слова культомъ), выступаетъ нынѣ съ особен-
ной отчетливостью, какъ міръ религіозно-устойчивый и
крѣпкій. Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ сознанія,
что гипертрофія матеріально-эмпирической выразительности
нехристіанскихъ религій¹⁾, есть прежде всего слѣдствіе
ихъ глубинной дефективности. Только христіанство
даетъ благодать сокровеннаго и невидимаго духовнаго
предстоянія и раскрываетъ даръ внутренняго покаянія и
свободнаго постиженія подлинной сущности вѣры. Но
въ нашу эпоху, когда враги христіанства стали слишкомъ
открыто и внѣшне борствовать съ нимъ, христіанство
должно изъ сферы преимущественно личнаго сокровеннаго
исповѣдничества, выйти въ исповѣдничество коллективное
и волеовое. Однако, для того, чтобы не стать на роко-
вые пути прошлаго, нужно, (особенно русскимъ православ-
нымъ) реализовать свою вѣру не попытками возсозданія
теократическихъ идеаловъ государства-церкви и не
проповѣдью самодовлѣющей организаціи русской церков-

¹⁾ Даже индуизмъ ирреальный по своему философскому за-
мыслу, породилъ самый грубый и обильный видъ религіознаго фе-
тишизма.

ности, по чуждымъ ей католическимъ образцамъ, а прежде всего бытовымъ „восточнымъ“ исповѣдничествомъ, обрѣтеніемъ духовной потребности религіозно осознавать и запечатлѣвать всю совокупность жизненныхъ явленій и личныхъ дѣйствованій. Ибо только постоянная, упорная и навѣчная память о Богѣ — наводитъ сознаніе на вѣрное пониманіе богозаконности міра и всего жизненнаго процесса.

Это не проповѣдь „опрошенія“ и не зовъ къ „смиренному хожденію въ народъ“. Но, послѣ того, какъ обманули всѣ гуманитарно-абстрактные идеалы и идеи прогресса и соціально-государственнаго строительства, къ которымъ такъ страстно рвались поколѣнія той эпохи, которая нынѣ, на нашихъ глазахъ такъ трагично оборвалась, — когда-же, какъ не теперь, нужно наново обрѣсти ту вѣрную установку видѣнія, при которой современное, искаженно-тенденціозное понятіе культуры, раскроется совсѣмъ въ иномъ планѣ? Не будутъ-ли поняты — органическая ритуальность жизни и религіозное бытостроительство, какъ чеканные образцы жизненной правды, мудрости и утонченности, могущіе, при условіи широкаго подъема религіозно-конкретнаго творчества, и въ наши дни строить, не только частную судьбу личности, но, какъ нѣкогда, и бытіе общественно-государственное?

Въ частности Россія, передъ которой стоитъ ближайшая перспектива всесторонняго возстановленія, сможетъ утвердить свои соціально-государственныя формы подлинно самобытно, только проникшись первосущностью своихъ бытовыхъ историческихъ нормъ — вѣры, права, власти и общественности. Современный европейскій націонализмъ долженъ для Россіи быть явленіемъ предостерегающимъ: считая себя антиподомъ соціаль-интернаціонализма онъ, въ то же время, подобно своему протівнику, также безпочвенъ и космополитиченъ. Національную роль, которую играютъ теперь нѣкоторыя государства Европы, опредѣляется не столько фактомъ ихъ творческаго, народно-

культурнаго расцвѣта, сколько независимымъ отъ подобнаго расцвѣта, средоточіемъ тѣхъ или иныхъ военныхъ и экономическихъ силъ. Отсюда фактъ національнаго якобы преуспѣванія нѣкоторыхъ государствъ, являющійся фактомъ международно-политическимъ, въ планѣ культурно-духовномъ — значенія не имѣетъ. Конечно, не такую роль нужно готовить для Россіи и не на такую судьбу даетъ ей право опытъ революціи и большевизма.

Такъ случилось, что передъ Россіей стоитъ конкретная возможность религіозно вознести и идеологически возглавить ту „революціонную реакцію“ будущаго, проблески которой уже прорываются въ разныхъ странахъ Европы, но пока выше плана политическаго безсильны подняться. Но для этого нужно преодолѣть коммунизмъ не только экономически, проповѣдая при-мать собственности, и не только политически, а прежде всего въ планѣ духовномъ и религіозномъ. Чего стоитъ современная Европа, правда отстаивающая пока свои собственническія и буржуазныя принципы передъ коммунизмомъ, но неимѣющая больше религіозной и церковной жизни, ибо всѣ силы отданы на служеніе страсти вульгарнаго имущественнаго эгоизма?..

При созерцаніи и чувствованіи судорогъ и мукъ русской революціи часто думается, что безъ вины, ни за-что, цѣлый народъ такъ страдать не можетъ. Должна быть въ прошломъ у Россіи какая-то страшная вина, грѣхъ, которые она искупаетъ. Много грѣховъ у Россіи, но м. б. самый великій грѣхъ ея въ томъ, что она сама просмотрѣла сокровища своего религіознаго быта, на основѣ котораго русская церковь и государство могли создать свою самобытную судьбу, отличную отъ судьбы Европы; — это конечно вина всенародная. Пускай русскій бытъ во многихъ отношеніяхъ былъ слѣпымъ и темнымъ, но онъ заслуживалъ вниманія и любви, потому что въ немъ раскрывался даръ русскаго боговидѣнія. Это поняли большевики, когда свое богоборчество начали осуществлять путемъ быто-

борчества. Это должны осознать и всё намѣревающиеся строить новую Россію.

Если мыслима сама возможность воздѣйствія на стихійные сдвиги и процессы духа, если можно ставить въ этомъ отношеніи цѣли и пытаться дѣйственно повліять на судьбу народнаго сознанія и религіозной совѣсти, то передъ „обращенной“ частью русской интеллигенціи, на которой нынѣ основывается православіе, должно встать реальное заданіе: за счетъ своего возбужденнаго религіознаго умозрѣнія и воображенія — пытаться возсоздать померкшее конкретно-народное исповѣдничество, искать обратныхъ путей для претворенія ожившей вѣры и религіознаго сознанія въ глубины народнаго быта. Иначе бездна между интеллигенціей и народомъ послѣ революціи останется прежней, съ тою только разницей, что въ отношеніи вѣры и безбожія положеніе обѣихъ сторонъ перевернется на обратное. Если будущему русскому возрожденію не удастся сомкнуть возродившееся религіозное сознаніе съ пробудившеюся жизнедѣятельностью всего народа, то послѣ-революціонная Россія окажется снова въ болѣзненномъ процессѣ раздвоенія: на этотъ разъ буржуазно-матеріалистическія массы будутъ противостоять волевой церкви и религіозности культурныхъ верховъ, а въ этомъ залогъ новаго взаимнаго непониманія и новыхъ историческихъ катастрофъ.

П. Сувчинскій